

18+

ИГЛА КОШЦЕЯ

СМЕРТЬ В ТВОЕМ СЕРДЦЕ

АНАСТАСИЯ ДЕС

Анастасия Дес

**Игла Кощея. Смерть
в твоём сердце**

«Издательские решения»

Дес А.

Игла Кощея. Смерть в твоём сердце / А. Дес — «Издательские решения»,

Мирослава не верит в сказки, пока мертвые не встают из-под снега, а послы Кощея не требуют ее в невесты. На севере, где держится граница между живыми и Навью, она узнает: его смерть спрятана не только в игле, но и в старых клятвах, крови и сердце. Чтобы спасти свой дом, Мирославе придется решить, кого ненавидеть опаснее — бессмертное чудовище или тех, кто хочет занять его место.

© Дес А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Зима Зоряны	6
Глава 1. Девушка, которой не дали выбрать	9
Глава 2. Сказка, которой пугают детей	11
Глава 3. Приход мертвого жениха	14
Интерлюдия I. Ивы над рекой	17
Глава 4. Цена отказа	19
Глава 5. Обручение под принуждением	22
Глава 6. Дорога за край мира	24
Глава 7. Первый взгляд на Кошея	28
Глава 8. Брачный договор	31
Глава 9. Дом, где не живут живые	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Игла Кощея. Смерть в твоём сердце

Анастасия Дес

© Анастасия Дес, 2026

ISBN 978-5-0070-0088-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Зима Зоряны

Зоряна Лебедева ехала на север и всю дорогу повторяла себе одну и ту же ложь: ее везут не как невесту.

Ложь была удобная, сухая, дорожная. Ее можно было жевать вместо хлеба, когда трясло в санях. Можно было упрямо держать под языком, когда по ночам за войлочной занавесью трещал лес и лошади косились в темноту белками. Можно было даже почти поверить в нее, если не вспоминать, как дома говорили шепотом слово «клятва» и сразу замолкали, стоило ей войти в горницу.

Дорога тянулась двенадцать дней. К пятому Зоряна возненавидела снег. К седьмому — добрых людей, которые слишком жалостливо отводили глаза. К девятому — собственную гордость, потому что именно гордость и довезла ее до этого тракта. На десятый день перед санями поднялся покойник в рваном тулупе и долго брел рядом, пока старший проводник не шепнул молитву и не ударил коня хлыстом так, что у того пошла пена. После этого Зоряна перестала думать, будто семейные страхи были просто старой бабьей дурью.

Север встретил ее без театра. Не было ни грома, ни черных туч, ни лязга цепей, как в тех сказках, которыми в детстве пугали младших. Был холод, скала и дом, поставленный на ней слишком высоко и слишком упрямо. Такой дом строят не для красоты и не для славы. Такой дом строят те, кому каждую ночь есть что удерживать по ту сторону стены.

Во дворе висели связки сухих трав. На ветру звенели маленькие железные колокольчики. Люди в сером проходили мимо быстро, не болтая. Псы не лаяли. Даже вороны в этом месте вели себя тише обычного.

Зоряна соскочила с саней сама, не взяв ничьей руки, подняла голову и увидела его.

Кошей стоял на верхней галерее, опершись ладонью о мокрые перила. Без венца, без меховой мантии, без свиты по бокам. Просто мужчина в темной одежде, слишком бледный на фоне дерева и снега. Она ожидала уродства, мертвенной вытянутости, хотя бы привычной княжеской надменности. Ничего этого не было. Было другое — лицо человека, который привык держать на весу слишком многое и потому давно перестал дергаться по пустякам.

Первой мыслью было: не похож.

Второй: так хуже.

Если чудовище выглядит как чудовище, его легко ненавидеть. А если перед тобой человек, в котором сила сидит так глубоко, что ему не нужно ее показывать, ненависть приходится выращивать дольше.

Ей отвели теплую горницу, подали еду, горячую воду, сухую рубаху. Никто не унижал ее нарочно. Это раздражало сильнее, чем если бы унижали. С грубостью всегда проще — она дает опору для гнева. Вежливость же заставляет все время помнить, что ты приехала сюда не в цепях, а по старому договору, от которого в твоём роду не сумели уклониться ни умные, ни упрямые.

Вечером пришла Мальва.

Сухая старуха с мутными зелеными глазами, похожими на воду в заброшенном колодце. Она вошла без стука, села к столу, понюхала похлебку, будто проверяла, не подсыпали ли чего, и только потом посмотрела на Зоряну.

— Если приехала спасать своих, не влюбляйся, — сказала она.

Зоряна даже рассмеялась.

— Ты меня с кем-то перепутала.

— Нет. Я уже стара, чтобы путать дур с другими дурами.

— Я не затем сюда приехала.

— Все так говорят, пока не узнают человека ближе, чем нужно.

— Я приехала за правдой.

Мальва кивнула, как будто это только подтверждало ее собственные мысли.

— Через правду люди падают быстрее, чем через жалость. Жалость еще иногда стыдно признать. А правдой всегда хочется оправдаться.

Зоряна тогда не поверила ни единому слову. Она слишком хорошо знала, зачем пересекла полмира. В ее голове цель была простой и благородной: понять, где держится смерть Кощея, как он связан с северной печатью и можно ли однажды перерезать этот старый узел так, чтобы миру стало легче, а не тяжелее.

Ей казалось, что главное — не испугаться.

Позже она поймет: главное было не перепутать любопытство с бесстрашием.

Первый разговор с Кощеем случился не у нее в горнице и не в праздничной палате. Ее повели вниз, под скалу, в круглый зал, где стены пахли сыростью, железом и свечным дымом. В нишах стояли стражи. Живые ли, мертвые ли — с первого взгляда не разберешь. Кощей ждал у каменного стола.

— Так это ты, — сказал он, когда она вошла.

— А ты разочарован?

— Пока не успел.

Голос у него был низкий, спокойный, без того сладкого нажима, которым мужчины любят ломать чужое упрямство. Он не пытался показаться страшнее, чем есть. Именно это и насто-
раживало.

— Я не буду перед тобой кланяться, — сказала Зоряна.

— И не надо.

— И заранее тебя любить тоже не стану.

Тут он посмотрел на нее уже всерьез.

— Это хорошо, — сказал он. — Люди, которые обещают не любить заранее, хотя бы понимают, что есть беды дороже гордости.

Зоряна решила, что он любит играть словами. Потом выяснилось: нет, просто рядом с ним даже простой разговор быстро доходил до вещей, которые лучше бы не трогать голыми руками.

Первые недели на севере она жила как разведчица в чужом доме. Слушала больше, чем говорила. Запоминала ходы, лица, запахи, часы караулов. Спорила с Веданом. Нарочно дразнила Ратибора. Не понимала, смеется над ней Яромила или жалеет. Выпытывала у Мальвы все, что та соглашалась сказать. И каждый раз, когда сталкивалась с Кощеем, ждала простого доказательства: вот сейчас он окажется обычным жестоким хозяином страшной земли, и все станет удобно.

Удобства не случилось.

Жестокость в нем была, это Зоряна увидела скоро. Он отправлял людей на проломы, откуда возвращались не все. Не спасал одного, если за это пришлось бы расплатиться десятком. Приказывал закрывать ворота перед запоздавшими, если снаружи уже шло мертвое. Дом его боялся не потому, что он любил страх, а потому, что рядом с ним нельзя было притворяться, будто у всякого решения есть чистый выход.

Но она видела и другое. Как ночью он сам таскал дрова в лекарский чулан. Как без сна стоял у западного пролома до рассвета, потому что стража уже качалась на ногах. Как прикрыл собой молодого парня, которому не хватило быстроты. Как не позволил выпороть мальчишку-посыльного, по чьей ошибке сорвался малый узел.

Это бесило.

Чудовище должно вести себя проще. Тогда его удобно убивать.

Впервые он коснулся ее на лестнице. Тонкий лед, шерстяная юбка под ногами, неудачный шаг. Его ладонь легла ей на локоть на одно мгновение, но Зоряна потом еще долго чувствовала это прикосновение — не из-за стыда, а из-за жара.

— У тебя горячие руки, — сказала она, не подумав.

— Знаю.

— Для мертвеца это странно.

— Я никогда не был им целиком.

Вот с этого и началась настоящая беда. Не с поцелуя, не с жалости, не с ночи в общей постели. С мелкой трещины в ненависти. С того, что человек вдруг перестает быть для тебя фигурой из родовой сказки и становится отдельным, живым, слишком понятным.

К лету Зоряна уже знала больше, чем ей полагалось. К осени — достаточно, чтобы испугаться по-настоящему. Смерть Кощея не лежала одной простой вещью в одном простом месте. Игла была лишь частью. Узел держался не на волшебном капризе, а на старом выборе, сделанном за него и за многих после него. Если убить его не там и не так, печать могла не ослабнуть, а рухнуть.

В это время появился Святобор.

На юге его звали мудрецом. У князей он сидел по правую руку, у вдов исцелял детей от лихорадки, у волхвов спорил о судьбе мира. Он приехал на север мягким, разумным, учтивым. Говорил верные вещи: ни один человек не должен веками держать на себе границу, любой узел со временем становится тюрьмой, старое зло тем опаснее, чем дольше его терпят из привычки.

Почти во все это можно было поверить.

Потом Зоряна увидела, как он смотрит на Кощея.

Не как на врага.

Как на место, которое хочет занять.

Тут ей стало страшно не за себя и не за род. За всех. Потому что мститель и честолюбец часто говорят одинаковыми словами, пока не дорвутся до власти.

В ночь, когда она решилась бежать с частью ключа к смерти Кощея, снег шел мокрый и липкий. Камень под ногами скользил. Зоряна несла свой выбор в одной ладони и думала, что сумеет удержать беду посередине — не отдать ее ни Кощею, ни Святобору. Так обычно думают люди, которые еще не понимают цену одиночества.

Она услышала шаги за спиной и сразу поняла: опоздала не на минуту. На сам способ решения.

Кощей пришел первым. Святобор — почти следом. Третьим появился Владимир, которого тогда еще никто не называл мертвым.

О чем они говорили, она потом вспоминала обрывками. Слишком много злости, слишком много правды разом, слишком мало времени. Она помнила только лицо Кощея — не яростное, а такое, как у человека, который давно знал, чем все кончится, и все равно не смог этого удержать.

Последняя ясная мысль перед ударом была не о себе.

О дочери, которой у нее еще даже не было.

О том, что если эта дочь когда-нибудь дойдет до той же пропасти, ей нельзя будет позволить повторить ее ошибку.

Потому Зоряна и не ушла целиком, когда умерла.

Не из-за любви к Кощею.

Не из-за старой клятвы.

Из-за одного простого, почти злого желания — однажды схватить собственную дочь за плечи и сказать: не тащи это одна, дурная.

Глава 1. Девушка, которой не дали выбрать

Весна в Белозерье в тот год вышла ленивая и злая. На дворе был конец апреля, а снег все еще лежал серыми кучами по канавам, и ветер таскал по площади ледяную крупу, будто зима вцепилась в город крючьями и не желала уступить место теплу.

Именно в такой день княгиня велела собрать девиц на смотр перед Красной Горкой.

Мирослава терпеть не могла этот обычай. С тринадцати лет он казался ей не праздником, а ярмаркой скота, только одетой в жемчуг и песни. Девиц выстраивали полукругом, пожилые боярыни осматривали лица, шею, походку, манеру молчать, а потом в теплых горницах решали, кого выгоднее пристроить, а кого пока оставить родне на шею.

Она стояла на галерее у терема и смотрела не вниз, а на небо.

Небо было тяжелое, свинцовое. Такое, на которое хочется сердиться по пустякам — просто потому, что оно висит слишком низко и заранее давит на виски.

— Перестань делать вид, будто идешь на плаху, — сказала тетка Велимира, поправляя на голове Мирославы жемчужную сетку. — У людей язык длинный и без твоей помощи.

— Пусть болтают, — ответила Мирослава. — От этого я замуж не выйду.

— Не будь душой. Иногда выходят именно из-за болтовни.

Мирослава фыркнула. На ней был темно-синий сарафан с серебряным шитьем, тяжелый, неудобный, слишком нарядный для человека, который собирается стоять с каменным лицом и портить другим удовольствие. Тетка старалась с утра: уложила волосы, велела не спорить, даже достала из ларца серьги матери. Мирослава серьги надевать отказалась.

— Ты как назло вся в Зоряну, — сказала Велимира.

И тут же пожалела: Мирослава замкнулась сразу, словно дверь перед носом захлопнули.

— Не надо сегодня о ней.

— О ней как раз надо помнить.

— Ты всегда так говоришь, когда хочешь мной командовать.

— А ты всегда вспоминаешь мать, когда надо делать что-то неприятное.

Мирослава резко повернулась.

— Если бы мать была жива, она бы не повела меня на эту торговлю.

Велимира помолчала и ответила очень тихо:

— Если бы твоя мать была жива, многое в этой истории было бы еще хуже.

На миг Мирослава даже растерялась. Тетка редко бросала слова просто так. Но внизу затрубили рожки, и спор пришлось отложить.

На площади уже выстроили девушек из лучших домов. Кто-то краснел как маков цвет, кто-то нарочно опускал ресницы, кто-то улыбался так старательно, что хотелось пожалеть. Мирослава встала прямо, руки вдоль сарафана, подбородок поднят. Не потому, что хотела понравиться. Просто по-другому стоять не умела.

Княгиня шла вдоль ряда медленно, как женщина, которой вечно приходится выбирать между плохим и терпимым. За ней тянулись боярыни, писарь и две старухи-ворожеи. Одну Мирослава знала в лицо — глуховатая, с желтыми пальцами, торговала травами. Вторую видела впервые.

Белые глаза, словно молоко под кожей. Нос тонкий, птичий. Рот беззубый, но твердый.

Княгиня остановилась перед Мирославой.

— Лебедева, — сказала она. — Ты упрямышься уже который год.

— Смотря кто спрашивает.

— Тебя давно пора устроить.

— Коня тоже устраивают в стойло, — сказала Мирослава. — Может, у вас и для меня готово хорошее место?

Слева кто-то ойкнул. Велимира тихо втянула воздух.

Княгиня не рассердилась, только устало посмотрела на нее, будто перед ней стоял не человек, а знакомая головная боль.

— Язык у тебя по-прежнему острее ума.

— Не всегда. Просто сегодня праздник.

Тут заговорила слепая ворожейка. До этого она молчала, приноживалась и словно слушала не людей, а то, что за ними тянется.

— У этой железо в крови, — сказала она.

На площади сразу притихли.

Княгиня раздраженно повернулась.

— Не начинай, бабка.

— А чего не начинать, если оно уже началось? — Ворожейка шагнула ближе к Мирославе и втянула воздух еще раз. — Железо старое. Мертвое. Не в земле лежало — в сердце.

У Мирославы по спине побежали мурашки. Она не любила такие слова не из суеверия. Просто в их доме слишком часто молчали именно так — как будто за простой фразой стоит целая старая беда.

— Кто начался? — спросила она прежде, чем успела удержаться.

Белые глаза повернулись к ней. Видеть они, похоже, не могли, а все равно казалось, что старуха смотрит прямо в лицо.

— Те, кого не зовут по имени вслух весной.

— Довольно, — отрезала княгиня.

Но было поздно. Шепот уже пошел по площади, как ветер по сухой соломе.

Велимира подошла к Мирославе и взяла ее под локоть.

— Мы уходим.

— Я никуда не...

— Сейчас же.

Они успели сделать десяток шагов, когда на стене закричали дозорные.

Город сразу изменился. Люди, которые секунду назад пялились на девичьи сарафаны, разом забыли обо всем. Кто-то рванул к воротам. Кто-то — наоборот, к дому. По площади пошло то тяжелое движение толпы, которое всегда начинается на миг раньше паники.

Мирослава обернулась.

По тракту шли всадники.

Издали все казалось простым: черные плащи, вороньи кони, мокрый снег. Но люди попятись не из-за цвета. От этих всадников тянуло чужим порядком. Так едут не купцы и не княжьи гонцы. Так едут те, кто знает: ворота перед ними откроют, даже если руки у стражи дрожат.

— Кто это? — пискнула Аксинья, подоспевшая к ним с галереи.

Велимира ответила не сразу.

— Беда, — сказала она наконец.

И Мирослава поняла: тетка ждала этого дня. Может быть, не знала точного часа, но ждала давно. Потому и сердилась с утра не на смотр, не на жемчуг, не на княгиню. На то, что старая история наконец добралась до их дома.

Всадники не спешили. Снег шел им в лица, но кони ступали ровно, как по сухой дороге. Черное посольство приближалось к Белозерью, и с каждым шагом Мирославе становилось все яснее: город они приехали менять не весь.

Только ее жизнь.

Глава 2. Сказка, которой пугают детей

К вечеру княжий терем напоминал курятник перед грозой. Бегали слуги. Хлопали двери. Стража таскала копыя и щиты, будто от них внезапно могла появиться польза против того, чего никто толком не понимал. Князь заперся с боярами в малой палате и велел никого не впускать, но уже через час за Мирославой прислали дружинника.

— Князь требует, — сказал тот, не глядя ей в лицо.

— Пусть требует, — огрызнулась она.

— Мирослава, — тихо сказала Велимира.

Этого хватило. Если тетка переставала спорить и начинала говорить так, значит, упрямство уже дорожало слишком сильно.

В малой палате пахло воском, дымом и людским страхом. Князь Борислав сидел за столом с лицом человека, которому за один день состарили шею и виски. Рядом — княгиня, двое бояр, старый волхв Радогост и Велимира. Значит, разговор уже шел и без нее.

— Подойди, — велел князь.

— Я стою хорошо и отсюда.

Он сжал челюсть, но ссориться не стал.

— Люди у ворот прибыли от северного государя.

— От Кощея, — сказала Мирослава. — Назовите уже по имени.

Княгиня подняла на нее глаза. Не гневно — удивленно. Видно, ожидала, что девица из хорошего дома хотя бы рядом со старым страхом заговорит тише.

— Хорошо, — сухо сказала княгиня. — От Кощея.

— И что им нужно?

Князь посмотрел на волхва. Тот вынул из рукава темный сверток, развернул его и положил на стол узкий железный перстень.

На нем были вырезаны игла и сердце.

У Мирославы вдруг пересох рот. Тот же знак она видела на материнском зеркальце, которое хранилось в старом ларце и о котором в доме не любили говорить.

— По древнему праву, — сказал Борислав, — они требуют сватовства из вашего рода.

— «Вашего»? — переспросила Мирослава. — Как удобно. Когда нужно платить, род уже не наш, а ваш?

— Не ершись, девка, — буркнул один из бояр.

— А то что?

— Мирослава, — снова одернула Велимира.

— Нет, пусть говорит, — сказал князь неожиданно устало. — Все равно сегодня мы дошли до того места, где красивые слова никого не спасут.

Он перевел взгляд на Мирославу.

— Они назвали твоё имя.

В палате стало так тихо, что где-то в сенях отчетливо капнула вода с растаявшей шубы.

— Почему мое?

— Потому что ты из нужной ветви.

— Что это значит?

На этот раз заговорил Радогост:

— В старых книгах сказано: кровь должна помнить.

— Кровь ничего не помнит, — отрезала Мирослава. — Это люди любят вешать на кровь свою трусость.

— Иногда кровь все же отзывается, — спокойно сказал волхв. — Особенно если ее берегли не ради наследства.

— А ради чего?

Ответила не она, не князь, не волхв. Велимира.

— Ради клятвы.

Мирослава повернулась к тетке. Та стояла прямо, обе ладони положив на спинку стула.

— Какой еще клятвы?

— Той, о которой тебе следовало рассказать раньше.

— Следовало? — Мирослава коротко засмеялась. — Ты всю жизнь кормила меня половиной правды, а теперь выясняется, что где-то тут рядом пряталась еще и вторая?

Велимира не отвела глаз.

— Мы храним знание о Кошее. О его смерти. И о том, почему его не убили до сих пор.

— Замечательно. И когда вы собирались сообщить мне, что мою мать связали с этой сказкой по горло?

— Когда придет время.

— То есть сегодня, когда за воротами уже стоят его люди?

Княгиня вдруг сказала:

— Если хочешь злиться, злись правильно. Здесь никто не вышел сухим из этой истории.

Мирослава на мгновение даже посмотрела на нее по-новому. Обычно княгиня говорила, как человек, давно привыкший считать людей по домам и приданому. Сейчас же в ее голосе было другое — знание о том, как именно женщин отдают туда, куда они не хотят.

— Что будет, если я откажусь? — спросила Мирослава.

Князь не стал юлить.

— Они уйдут.

— И?

— И то, что они пока держат на поводке, придет сюда само.

— Это мне должно показаться убедительным?

Радогост перекрестился по-старому и сказал:

— Сегодня на хуторе у речного брода поднялись двое. Не будь северных у ворот, к рассвету поднялось бы больше.

Мирослава вспомнила мертвую зиму, странные слухи, молчание собак по ночам, весну, которая так и не смогла прийти. Слишком многое складывалось в неприятный рисунок.

— Я хочу сама увидеть послов, — сказала она.

— Завтра, — ответил князь. — На рассвете.

— И если они мне не понравятся?

— Мне они уже не нравятся, — устало буркнул Борислав. — Но это не отменяет того, что за ними стоит. А за ними сейчас стоит не только имя Кощея.

Когда ее отпустили, снаружи уже сгущалась ночь. Мирослава пошла домой не на санях, а пешком, будто мерзлая улица могла хоть как-то привести мысли в порядок. На мосту через речку она остановилась. Вода шла черная, под самым льдом. Ивы по берегу скрипели, как старые двери.

— Мама, — сказала она в пустоту. — Если ты хоть раз любила меня больше своих тайн, подай знак.

Ответа, конечно, не было.

Зато позади хрустнул снег.

На другом конце моста стояла девочка лет десяти. Босая. В одной рубашке. Волосы мокрые, темные пряди липнут к щекам.

Мирослава знала эту девочку.

Три недели назад ее хоронили. Дочь мельника утонула в полынье.

Глаза у девочки были белые, без зрачков.

— Он идет, — сказала она чужим, взрослым голосом. — Но не за тобой одной.

Рука Мирославы сама рванулась к ножу.

— Кто?

Девочка улыбнулась так широко, что стало видно темный разрез рта.

— Та, что не дошла, тоже спрашивала.

— Отойди.

— Поздно, — сказала мертвая. — Игла проснулась.

И в ту же секунду под мостом что-то пошло в воде — огромное, тяжелое. Лед вздрогнул.

Доски под ногами жалобно застонали.

Мирослава отшатнулась. Моргнула. Девочки уже не было.

Только на перилах лежал длинный черный волос, тонкий, как нитка из погребального савана.

Домой она бежала почти вслепую.

Глава 3. Приход мертвого жениха

К утру туман лег на Белозерье так плотно, будто город завернули в сырую шерсть. Звуки глохли в нем, дома стояли размытыми пятнами, и даже колокольня казалась чем-то недостоверным. Мирослава не спала почти всю ночь. Сидела у печи с ножом на коленях и слушала, как в сенях капает талая вода.

Когда за ней пришли, она была уже одета. Темно-зеленый сарафан, теплая шубка, коса, перетянутая лентой. Под рубахой — материнское зеркало, которое она сунула за пазуху почти машинально. Словно хотела взять с собой хоть какую-то часть правды, пусть и немой.

В большой палате терема былолюдно и вместе с тем пусто. Люди стояли слишком прямо, слишком молча. Вдоль стен — стража. У стола — князь, княгиня, бояре, Радогост, Велимира.

И трое чужих.

Старший — высокий, жилистый, с темными волосами, стянутыми в хвост, и лицом, которое годилось бы для сурового княжьего советника, если бы не глаза. Слишком светлые, слишком внимательные, будто он все время слушал что-то кроме разговора. Рядом — широкоплечий рыжебородый мужчина, похожий на волка, которого загнали в людскую шкуру и он так и не привык. Третьей была женщина — тонкая, черноволосая, с неподвижным красивым лицом. В ней Мирослава сразу заподозрила самый неудобный ум из троих.

— Мирослава Лебедева, — сказал старший.

— Не оглохла.

Он слегка склонил голову.

— Ведан. Это Ратибор. Это Яромила. Мы прибыли от государя северного рубежа.

— А сам государь решил не марать сапоги о наше княжество?

Ратибор дернул углом рта. Яромила, напротив, посмотрела на Мирославу почти с интересом. Ведан ответил ровно:

— Если бы он приехал сам, говорить о сватовстве уже не пришлось бы.

— Что так?

— Слишком близко к пролому. Его присутствие здесь стоит дорого.

— Как удобно. Опять одни намеки.

— Мы не ради удобства ехали.

Князь покашлял, будто хотел вернуть разговору хоть какой-то государственный вид.

— Послы предьявили знак права и назвали имя. Теперь девица должна услышать условия.

— Не должна, — сказала Мирослава. — Но, видимо, услышит.

Яромила первой достала из-за пояса узкий футляр. Когда она открыла его, в палате как будто стало холоднее.

Внутри лежала игла.

Простая на вид, темная, длинная, как у хорошей швеи, только металл ее не блестел, а будто втягивал свет.

— Не трогай, — сказала Велимира резко.

Поздно.

Мирослава уже протянула руку. Не из смелости. Из той странной тяги, которую человек испытывает к предмету, если в нем вдруг чувствуется что-то старое и свое.

Едва подушечка пальца коснулась металла, мир вспыхнул белым.

Она увидела снег. Скалу. Черный дом над обрывом. Человека у окна. И услышала голос — мужской, низкий, усталый:

«Не эту. Она еще слишком живая».

Мирослава отдернула руку, точно обожглась.

— Что ты увидела? — тихо спросила Яромила.
— Ничего.
— Врешь, — сказал Ратибор.
— А тебя кто спрашивал?
Но Яромила уже улыбалась не губами, а взглядом.
— Узнавание пошло быстрее, чем я думала.
— Никакого узнавания нет.
Ведан смотрел на нее без торжества.
— Есть. Просто тебе не нравится его цена.
— Тогда скажи цену вслух.
— До новой луны ты должна оказаться на севере. Если связка подтвердится, мы укрепим печать и закроем часть разрывов. Если нет — все станет намного хуже, чем здесь сейчас умеют себе представить.
— А если я не поеду?
— Тогда мы уйдем, — сказал Ведан.
— Хорошая новость.
— Для кладбища, — добавил Ратибор.
Князь сердито зыркнул на него, но тот лишь пожал плечами.
— Я не поеду, — сказала Мирослава.
Никто не успел ответить. Снаружи закричали.
Сначала один голос. Потом второй. Потом так, как кричат люди, когда уже видят, что страх не фигуральный, а с руками и зубами.
Стражник влетел в палату белее мела, в крови по рукав.
— Княже! С кладбища пошли! Из-под снега! Десятки!
Палата взорвалась разом. Бояре заговорили, княгиня схватилась за крест, Радогост рванулся к окну. Только послы не двинулись.
— Мы предупреждали, — сказал Ведан.
— Остановите их! — рявкнул князь.
Ратибор уже сделал шаг, но Ведан поднял руку.
— Ответ не дан.
Мирослава повернулась к нему так резко, что шубка взметнулась на плечах.
— Ты торгуешься мертвецами?
— Нет. Я показываю, что будет без нас.
За окнами звенел набат. Во дворе кто-то заорал. Потом — удар, будто тяжелое тело врезалось в дверь.
Велимира подошла к Мирославе вплотную.
— Посмотри на меня.
Мирослава не хотела, но посмотрела.
— Ты можешь ненавидеть его сколько угодно, — сказала тетка. — Хоть всю жизнь. Но мертвым твоя ненависть не мешает. А живым сейчас может помочь только твой выбор.
— Это не выбор.
— Нет, — жестко ответила Велимира. — Это беда. Но беда тоже приходит через людей, а не сама собой. И расплачиваться за нее приходится тоже людям.
Мирослава сжала зубы. За стенами терема уже шла настоящая драка. Сквозь щели в ставнях мелькали серые тени, рывки факелов, бегущие люди. Ей вдруг вспомнилась девочка на мосту: «Он идет. Но не за тобой одной».
— Если я поеду, — сказала она, глядя на Ведана, — мой дом останется цел. Тетка, слуги, все, кто под нашей крышей.
— Даю слово.

— Ваше слово для меня ничего не стоит.

— Тогда запоминай дела, — тихо сказала Яромила.

Мирослава перевела взгляд с одного на другого. Они не были похожи на чудовищ из детских страшилок. И все же весь ее мир уже трещал из-за того, что стояло у них за спиной.

— И еще одно, — сказала она. — Если вы мне солжете хоть в чем-то, я найду способ убить вашего государя. Даже если сгорю вместе с ним.

Ратибор усмехнулся в бороду. Яромила прикрыла глаза. А Ведан только кивнул.

— Вот теперь звучишь как человек, которого стоило везти.

— Не воображай лишнего.

— Я редко воображаю.

— Когда выезжаем?

— Сейчас.

Это было почти смешно. Мир рушился, а у нее оставалось полчаса, чтобы проститься с домом.

Велимира уже собирала сундук, когда Мирослава вернулась. Рубахи, теплые чулки, нож, иглы, гребень, сушеные травы. Все движения быстрые, без суеты. Так собирают не дочь замуж, а человека в опасную дорогу, где лишняя минута может стоить слишком дорого.

— Ты знала, что я соглашусь, — сказала Мирослава.

— Я знала, что ты не дашь людям помереть у себя под окнами, если можешь хоть как-то вмешаться.

— Значит, ты на это и ставила.

— Я на это молилась.

Из ларца тетка достала узкий костяной шильчик.

— Возьми. Это Зоряныно.

— Что это?

— Не знаю до конца. Может, ключ. Может, просто напоминание, что твоя мать тоже думала, будто сумеет одна удержать слишком многое.

Мирослава сжала косточку так сильно, что та врезалась в ладонь.

— Я не повторю ее судьбу.

— Нет, — сказала Велимира. — Повторишь свою. Тут у вас, упрямых, всегда все по-новому и все одинаково больно.

На крыльце они обнялись впервые за много лет без оглядки на достоинство, возраст и обиду. Велимира пахла дымом, сухой полынью и домом. Мирославе от этого едва не сделалось хуже, чем от всех послов вместе.

Во дворе ждали четыре коня. Для нее — светло-серый, беспокойный, с умными глазами. Ратибор протянул руку, чтобы помочь сесть. Мирослава не взяла.

Когда они выехали со двора, Белозерье уже знало, кого отдали. Люди жались к стенам и крестились им вслед. У северных ворот под рогожей лежали тела. Из-под ткани торчали босые серые ступни.

Мирослава отвернулась и сказала себе, что едет не спасать Кощея, а пережить дорогу до места, где можно будет наконец понять, кого именно она должна ненавидеть.

Интерлюдия I. Ивы над рекой

После отъезда Мирославы дом Лебедевых стал не пустым — оглохшим.

Шаги звучали иначе. Печь потрескивала как обычно, но тише. Даже Аксинья, болтливая с утра до ночи, ходила на цыпочках, будто боялась, что один лишний звук сейчас доведет правду до конца: хозяйскую девку увезли на север как невесту тому, чьим именем у речки пугали детей.

Велимира стояла у окна и смотрела, как под ивами темнеет снег. Плакать не хотелось. Не потому, что сердце очерствело. Просто есть проводы, после которых слезы кажутся дешевым занятием.

Радогост пришел под вечер, весь в мокром снегу и усталости.

— У ворот успокоилось, — сказал он с порога. — Люди Кощея рубили поднятых до полудня. Кладбище затихло.

— Пока, — ответила Велимира.

— Пока.

Он сел, долго грел руки о чашку и только потом спросил:

— Ты уверена, что это она?

— Уверена я только в одном. Мир любит брать у нашего рода то дочь, то сестру, то мать, а платить всегда заставляет оставшихся.

Радогост невесело усмехнулся.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Она достала старый ларец, не открывая его, просто положила ладонь на крышку. Внутри лежали остатки Зоряниной жизни: письмо без подписи, ломаная заколка, кусок свадебной рубахи, вещи, которые пережили и любовь, и смерть, и все то молчание, что осталось после.

— Князь хочет знать больше, — сказал Радогост. — Теперь, когда девочку уже увезли.

— Пусть хочет. Раньше надо было хотеть.

— Он боится.

— Он только теперь понял, что Кощей ему не сказка, а сосед. И что страшнее соседа может быть только день, когда сосед тебе нужен.

Радогост опустил глаза.

— Святобор тоже почует движение.

— Уже почуял, — сказала Велимира. — Такой человек всегда первым слышит, где открылась выгода, а потом долго убеждает себя, что слышит долг.

— Ты слишком его ненавидишь.

— А ты слишком долго прятал от себя, кто он есть.

Волхв помолчал. Потом спросил:

— Ты рассказала Мирославе про Зоряну хоть что-нибудь по-настоящему?

— Достаточно, чтобы она не чувствовала себя совсем уж брошенной в темноту. Недостаточно, чтобы не рванула резать все сразу.

— Она все равно рванет.

— Конечно. — Велимира впервые за вечер устало улыбнулась. — Просто теперь у нее на пути будет еще и тот, кто привык резать умнее.

Снаружи на реке с треском лопнул лед. Аксинья перекрестилась в сенях.

— Больше всего я боюсь не того, что Мирослава меня возненавидит, — сказала Велимира. — Боюсь другого. Что однажды поймет меня слишком хорошо.

Радогост посмотрел на нее долго, как на человека, с которым слишком поздно спорить.

— Тогда молись, чтобы рядом с ней был кто-то второй. Женщины вашего рода гибнут не от любви. И не от злобы. Они гибнут, когда решают все нести в одиночку.

— Это я и пытаюсь передать из поколения в поколение. Только каждая слушает уже после того, как набьёт себе лоб.

— И все-таки, — тихо сказал он, — лучше живой лоб, чем красивая могила.

Когда он ушел, Велимира наконец открыла ларец и достала узкую полоску ткани с вышитым знаком — игла и сердце. Потрепанный край рубахи Зоряны. Села с ним на колених и впервые за день закрыла глаза.

— Слышишь ты меня или нет, — сказала она в пустую горницу, — но дочь свою хотя бы теперь не толкай туда же, куда сама пошла с распахнутыми глазами.

Ивы за окном медленно гнулись к черной воде.

Глава 4. Цена отказа

Северная дорога сперва показалась Мирославе просто пустой. Потом она поняла — не пустой, а настороженной. Лес по обе стороны тракта стоял так тихо, будто не спал, а ждал, кто именно проедет мимо и в каком виде вернется.

Ведан ехал впереди и почти не оборачивался. Это раздражало. Он как будто считал, что дело уже сделано: девицу забрали, теперь осталось довести. Мирославе хотелось хотя бы иногда видеть на его лице сомнение или усталость. Но он держался так, будто и сомнение, и усталость давно оплачены кем-то другим.

Ратибор ехал справа от нее, Яромила — слева, чуть позади. Через час молчания Мирослава не выдержала:

— Вы всегда конвоируете невест как преступниц?

— Не всех, — ответил Ратибор.

— Значит, мне особая честь?

— Тебе особая беда, — отозвалась Яромила.

— Вы все это говорите с таким видом, будто мне должно стать легче.

— Нет, — сказала Яромила. — Мы говорим, чтобы ты перестала тратить силы на не тот вопрос.

— А какой тут «тот»?

Ведан ответил, не поворачиваясь:

— Не «почему я», а «сколько еще выдержит дорога, пока ты споришь».

— И давно ты научился звучать как старый волхв?

— С тех пор как перестал верить, что людям достаточно правды, если подать ее вежливо. Это была первая фраза от него, которая показалась не служебной. Мирослава почти заинтересовалась — и тут увидела следы на снегу.

Они шли вдоль дороги, параллельно копытам. Не волчьи. Не человечесьи. Как будто кто-то ступал длинной босой лапой с когтями.

— У вас тут все с лесом хорошо? — спросила она.

— Плохо, — честно сказал Ратибор. — Но сегодня еще терпимо.

К полудню они вышли к хутору: три избы, сарай, овин, колодец. Дым не шел. Псов не было слышно. На дворе валялось детское коромысло, и это почему-то напугало сильнее всего.

Ведан поднял руку.

— Поздно.

— Для чего? — спросила Мирослава.

Но уже сама поняла: из ближайшей избы доносился глухой удар. Потом еще один. Так стучит в дверь не гость, а то, что по привычке еще помнит, как раньше выходили люди.

Ратибор спрыгнул первым. Топор у него оказался не лесорубный, а боевой, узкий, тяжелый. Яромила размотала с пояса темную нить с медными бусинами. Ведан только сказал Мирославе:

— Не слезай.

Она, конечно, слезла.

Дверь избы треснула изнутри и распахнулась. На крыльцо вывалился мужчина — или то, что недавно им было. Половина щеки содрана, зубы черные, глаз мутный, как ледяная лужа. Он двигался рывками, но слишком быстро для покойника из баек.

Ратибор ударил его топором в грудь. Тварь только завывала.

Из окна полезла женщина. Из-под сарая — маленькое тело, детское.

— Назад, — рывкнула Яромила, бросая нить.

Бусины обвили шею ребенка, вспыхнули тускло-зеленым, и тот рухнул в снег, будто кости из него разом вынули. Мужик же все еще шел, пошатываясь. Ведан шагнул вперед, коснулся двумя пальцами его лба — и тело осело пеплом в обносках.

Мирослава увидела это слишком близко, вдохнула сладковатый запах и едва не согнулась пополам.

— Что это было? — выдавила она.

— Поздний поднятый, — ответил Ведан.

— Ты говоришь так, будто у вас есть и ранние.

Он не ответил.

Из сарая раздался треск. Ратибор рванул туда. Яромила — за ним. Мирослава, против всякого смысла, тоже побежала следом. В тесном полумраке на них метнулась уже не просто мертвая тварь, а что-то хуже — человек, успевший переродиться наполовину. Челюсть вытянулась, зубы блеснули длиннее обычного, плечи вспухли под разорванной рубахой.

Ратибор не успел перехватить топор.

Тварь шла прямо на Мирославу.

И в этот миг под рубахой у нее раскалилось зеркало.

Жар ударил в грудь. Из-под ворота плеснул слабый серебряный свет. Тварь дернулась, словно наткнулась на стену, и этого хватило. Ведан врезался в нее сбоку, Ратибор всадил топор под ключицу, Яромила прошептала что-то сквозь зубы. В сарае запахло паленым железом.

Все кончилось так быстро, что Мирослава еще несколько секунд стояла с поднятой рукой, как дура, которой только что вернули жизнь без спроса.

— Что у тебя там? — спросила Яромила.

— Ничего.

— Тогда ничего сейчас прожгло тебе рубаху.

Мирослава молча вынула зеркало. Старое, круглое, в темной оправе. На обратной стороне — игла и сердце.

Ведан увидел знак и впервые за всю дорогу действительно изменился в лице.

— Откуда это?

— От матери.

— Имя матери.

— Зачем вам?

— Имя.

— Зоряна Лебедева.

Ратибор тихо выругался. Яромила отвела взгляд. Ведан закрыл глаза на короткий миг.

— Вот оно что, — сказал он.

— Что именно? — Мирослава шагнула к нему. — Хватит уже говорить так, будто все, кроме меня, получили листок с ответами.

— Не здесь, — ответил он. — И не сейчас.

— Тогда когда?

— Когда вокруг не будет мертвого хутора и открытой трещины под снегом.

Она хотела ударить его не хуже, чем позже ударит другого. Но вместо этого только стиснула зеркало в ладони.

Хутор сожгли. Огонь взялся сразу, будто сухие бревна давно ждали последней милости. Пахло так, что хотелось вывернуться наизнанку. Когда они отъехали, Ведан сказал, глядя вперед:

— Вот цена отказа.

— Не смей делать меня виноватой.

— Не делаю. Но цена все равно приходит и за теми, кто ни в чем не виноват.

Этот разговор тянулся за ней до самой ночевки.

В старом охотничьем срубе Яромила расставила по углам маленькие чашки с темным маслом. Ратибор принес воды. Ведан сел у двери и молча начал точить нож.

— Вы всегда так живете? — спросила Мирослава. — С нитями, огнями, мертвецами и недомолвками?

— Нет, — сказал Ратибор. — Иногда еще едим.

Это было так неуместно, что Мирослава едва не рассмеялась. Вместо этого она только фыркнула.

Ночью долго не спала. Зеркало лежало под рубахой тяжелее, чем днем. Имя матери, прозвучавшее вслух, не давало покоя. До этого Зоряна была для нее смесью портрета, запаха старой шали и глухой обиды. Теперь оказалось, что мать оставила на севере не только кости.

Глава 5. Обручение под принуждением

На следующий день дорога вывела их к капищу среди сосен. Серые валуны, старый резной столб, ленты на ветру, медные колокольчики, птичьи черепки. Место выглядело так, будто люди ушли отсюда давно, а обряд все еще продолжал себя сам.

— Слезай, — сказал Ведан.

— Зачем?

— Потому что дальше дорога тебя еще не признала.

— И мне должно захотеться быть признанной?

— Тебя никто не спрашивает, хочешь ли ты пережить лес правильно.

Она спрыгнула, больше из злости, чем из согласия.

В центре круга лежал плоский черный камень. На нем — опять те же знаки. Мирослава уже начинала ненавидеть иглу и сердце как две вещи, которые вечно появляются раньше объяснений.

Ратибор втыкал по краям круга короткие копыя. Яромила развешивала колокольчики на низкой сосне. Ведан высыпал на камень серую соль с чем-то красным.

— Это не свадьба, — сказал он, заметив взгляд Мирославы. — Только признание дороги.

— Как мило. Даже насилие у вас оформлено церемониально.

— Мирослава, — тихо сказала Яромила. — Либо мы делаем это, либо через мило лес начнет считать тебя ничейной. Я бы не советовала проверять, насколько голодным он сегодня проснулся.

— А с этим обрядом я, выходит, чья?

— Того, кто уже назвал тебя своей невестой, — сказал Ведан.

Слова были отвратительные. Почти физически. Мирослава почувствовала, как поднимается жар.

— Хорошо, — сказала она. — Но на колени не встану.

— И не надо.

— И клясться ему не буду.

— Тоже не надо. Пока.

Он протянул ладонь.

— Дай руку.

— Нет.

— Тогда режь сама.

Она выхватила нож и полоснула по ладони с удовольствием, которого не ожидала от самой себя. Кровь капнула на знак сердца. Ветер сразу ударил сильнее. Колокольчики звякнули.

— Теперь повторяй, — сказал Ведан. — Я иду по принуждению, но в памяти...

— Даже звучит мерзко.

— Зато работает.

Он произнес слова сперва на древнем наречии — жестком, шершавом, как камень под сапогом. Потом по-русски. Мирослава повторяла через силу, чувствуя себя не участницей обряда, а пленницей, которую заставили признать правила чужого дома. Но где-то на третьей фразе ей стало не до злости.

За деревьями стояли фигуры.

Высокие, тонкие, темные. Неподвижные. Лиц не видно, только бледные овалы глаз.

— Не смотри, — шепнула Яромила.

Слишком поздно.

Когда Мирослава договорила последнюю строку, черный камень под ладонью отозвался слабым холодным светом, и перед глазами вспыхнуло другое место. Терем на скале. Узкое окно. Мужчина у него.

Не призрак. Не силуэт. Лицо она увидела так ясно, будто стояла рядом. Темные волосы. Резкие скулы. Усталость в глазах. Не старик. Не ходячая кость. Просто опасно живой человек, которому давно пришлось перестать жить для себя.

Видение исчезло. Мирослава пошатнулась. Ведан подхватил ее за локоть.

— Это был он? — спросила она.

— Да.

— Почему я его увидела?

— Потому что дорога теперь знает тебя.

— Какая честь.

— Для начала — неудобство, — сказал Ратибор, вытаскивая копья из снега. — Настоящая честь начнется, когда доедем.

К вечеру они встали у камней и развели низкий костер. Ветер выл так, будто тянул жилы из леса. Мирослава заснула рывками и увидела сон.

Черный зал. Прозрачный лед под ногами. Внизу — вода, слишком темная для сна. На другом конце зала стоял он.

— Я не звала тебя, — сказала она, и даже во сне ей стало ясно, как по-дурацки это звучит.

— Я тоже, — ответил Кощей.

Голос был тот же, что у иглы. Низкий, спокойный, без театра.

— Тогда что это?

— Связка. Или ее начало.

— Я не стану твоей.

Он посмотрел на нее так, будто слышал эту фразу не впервые и каждый раз она почему-то задевала иначе, чем должна бы.

— Это мы еще обсудим, — сказал он. — Но сперва доедь живой.

— А ты всегда говоришь так, словно уже все решил?

— Нет. Только когда времени мало.

Она проснулась с рукой на ноже. Снаружи ветер рвал нити с бубенцами. У костра сидела Яромила. Чуть дальше, в темноте, стоял Ведан.

— Он умеет ходить в чужие сны? — спросила Мирослава, выходя к нему.

— Иногда, — ответил тот после паузы.

— Передай своему государю: еще раз сунется мне в голову без спроса, я найду способ выжечь оттуда и его, и все ваши обряды.

Ведан покосился на нее. В темноте его лицо впервые показалось моложе.

— Скажи сама. Мне даже интересно, как он это воспримет.

— Значит, вы все тут ненормальные.

— На севере это не ругательство.

Глава 6. Дорога за край мира

На третий день начался настоящий север.

До того был просто холод. Теперь время, звук и расстояние будто сдвинулись. Леса стали чернее. Снег — чище и плотнее. Ветер перестал гулять по поверхности, а начал лезть под одежду с умом, выбирая, где у человека тоньше всего кожа.

Они вышли к реке под полдень. Вода шла черная, быстрая, без льда посередине. На берегу стоял каменный столб с вырезанными знаками, а на вершине сидел ворон — слишком большой, слишком неподвижный.

— Не смотри в воду, — сказал Ведан.

— А вы хоть раз объясняете что-то до того, как это становится поздно?

— Сейчас объясню. Посмотришь — захочет утянуть.

— Чудесно. Почему бы не начать с этого.

Он положил на камень серебряную монету. Ворон коснулся ее клювом, и серебро почернело.

Ратибор повел выучных коней первым. Яромила — за ним. Мирослава шагнула в воду третьей. Холод ударил в ноги даже сквозь сапоги. Конь под ней напряженно втянул шею.

Не смотреть вниз. Конечно же, она посмотрела.

Под темной водой медленно шли лица.

Размытые. Белые. Мужские, женские, детские. Кто-то шептал беззвучно. Кто-то просто плыл, как сорванный с места сон. И среди них на миг возникло лицо матери.

— Мирослава, — сказала Зоряна под водой.

Она дернула поводья. Конь шарахнулся. Нога выскользнула из стремени.

Ведан успел схватить ее за локоть и рывкнул почти в ухо:

— Глаза закрой.

Она закрыла. Через несколько шагов берег оказался под копытами. Только там Мирослава поняла, как сильно дрожит.

— Ты видел? — спросила она.

— Нет. У каждого свое.

— Там была моя мать.

— Тогда тебе показали то, за что легче всего утащить поглубже.

После реки воздух стал еще жестче. Сосны вымахали в небо, как черные мачты. На корнях белели кости — то ли звериные, то ли нет. К вечеру они встретили старуху у дороги.

Та стояла с посохом и белым зайцем у ног. Лица под платком почти не видно. Только когда подъехали ближе, Мирослава поняла, что глаз у старухи нет вовсе.

— Езжайте скорее, — сказала она. — За невестой сегодня смотрят трое.

— Кто? — спросила Мирослава.

— Один хочет ее смерти. Второй — крови. Третий — сердца.

Ведан подал коня вперед, закрывая Мирославу.

— Уходи, бабка.

— Ты не мне приказываешь, посол, — беззлобно сказала старуха. — Ты приказываешь тому, чего сам боишься назвать.

Она стукнула посохом. Белый заяц сорвался в лес. Когда Мирослава моргнула, старухи уже не было.

— Кто это? — спросила она.

— Хватит и того, что не человек, — буркнул Ратибор.

Ночь накрыла их вместе с метелью. Сначала снег просто повалил гуще. Потом весь мир исчез за белой стеной. Пропали деревья, пропала дорога, пропали даже голоса, если отъезжали на два конских корпуса.

И посреди этой белой слепоты она услышала свое имя.

— Мирослава.

Справа от нее ехал всадник на черном коне.

Не Ведан. Не Ратибор.

Снег не задерживался на его плечах. Лицо было видно так ясно, словно они стояли в комнате, а не в середине бури.

— Ты плохо держишься в седле, — сказал Кощей.

— Пошел к черту.

— Позже. Сейчас не свались.

Конь под Мирославой дернулся. Ветер ударил в лицо так, что на миг все исчезло. Она схватилась за протянутую руку раньше, чем успела выбрать между гордостью и землей.

Ладонь у него была горячая.

Это потрясло сильнее самого появления.

Пальцы сильные, живые, сухие от холода. Никакой мертвенной ледяной сказки. Просто человек, которого слишком долго звали не человеком.

Он удержал ее один короткий миг и отпустил.

Снег хлестнул в лицо снова. Черного коня уже не было.

Подоспевший Ведан ухватил ее лошадь под уздцы.

— Ты его видела?

— Да.

— Я тоже, — зло сказал он. — И это мне совсем не нравится.

— Значит, не у одной меня сегодня плохой день.

Острог возник из метели внезапно: частокол, башни, огни. Ворота открылись, пропуская их внутрь. Во дворе люди подхватили коней, крикнули что-то на незнакомом наречии. Мирославу повели в теплую горницу, где пахло смолой, железом и сушеными травами.

— Где он? — спросила она Яромилу.

— Не здесь.

— Но был там.

— Был.

— И вы все ведете себя так, будто это нормально.

— Для нас — нет, — ответила Яромила. — Для тебя тем более.

Позже пришел Ведан и сказал:

— На рассвете двинемся дальше.

— Мы только что едва не сдохли в этой буре.

— Поэтому и двинемся без задержки.

— И что это было? — Мирослава поднялась с лавки. — Почему ваш государь явился среди метели, как видение?

Ведан помолчал.

— Потому что ты едва не ушла туда, откуда возвращаются телом без памяти.

— И он тебя, стало быть, спас? Как трогательно.

— Не путай трогательное с опасным, — сказал Ведан. — Он не имеет привычки вытаскивать тех, кто ему безразличен.

Эта фраза повисла в горячем воздухе, как нож.

Мирослава медленно выпрямилась.

— Не смей даже намекать на что-то подобное.

— Я не намекаю. Предупреждаю.

— Тогда предупреждаю в ответ: если в этом есть хоть намек не на силу, а на интерес, я убью его еще охотнее.

— Вот поэтому, — тихо сказал Ведан, — все и стало хуже, чем должно было.

Интерлюдия II. Тот, кто ждет на рубеже

Кощей почувствовал ее раньше, чем Ведан прислал первого гонца.

Не лицом. Не именем. Откликом.

В такие ночи западная кромка звенела под руками, как плохо стянутая броня. Мертвые шептали из-под снега. Поднятые у дальних сторожек стали смелее. Даже живые стражи начинали оглядываться в темноту лишней раз. Мир держался, но уже не так крепко, как ему полагось.

Когда нить дрогнула в первый раз, Кощей решил, что усталость шутит. Во второй — вспомнил Зоряну. Не ее лицо. Движение характера. Та же дурная прямота, с которой люди идут в огонь, будучи уверены, что сумеют все рассчитать по дороге.

Ведан пришел в нижний зал и сказал:

— Белозерье. Род Лебедевых.

Кощей молчал долго.

— Возраст?

— Двадцать два.

— Имя?

— Мирослава.

Тут он сказал свое первое и самое бесполезное слово за тот день.

— Нет.

Ведан не удивился. Служил слишком давно.

— Если не возьмем сейчас, возьмет кто-то другой, — сказал он.

— Тогда ищи другой путь.

— Уже искал.

Из тени у стены заговорила Мальва:

— Ты опять путаешь долг с тем, что не хочешь пережить второй раз.

— Замолчи.

— Не замолчу. Ты не девку спасти пытаешься. Ты пытаешься не подпустить к себе дочь той, которую не удержал.

Он посмотрел на старуху так, что любой другой предпочел бы прикусить язык. Мальва только фыркнула.

Кощей вышел на галерею. Ночь была белая, с жестким ветром. Внизу темнел лес. На такой высоте человек особенно ясно понимает, как мало в нем самом человеческого осталось и как много почему-то все еще мешает просто выбрать самый правильный с точки зрения пользы ход.

С Зоряной он уже однажды проиграл.

Не миру.

Себе.

И потому мысль о Мирославе вызвала в нем не облегчение, а ярость. На старую клятву. На кровь Лебедевых. На тот смешной, упрямый остаток в себе, который еще помнил, что некоторые жизни нельзя использовать так же бесстрастно, как остальные.

Потом разлом пошел глубже. У западной стены за ночь поднялись трое. Под Чернотудом подо льдом снова показались лица. На рассвете Кощей подписал требование, понимая, что подпись не отменит главного — нежелания.

Когда Ведан уехал, стало только хуже. Нить потянулась сильнее, словно мир уже почуял нужную кровь и торопился схватить ее первым. Кощей стоял в подземном зале среди мертвых

стражей, которых когда-то поднимал по одному, и думал о том, что север не любит оставлять человеку роскошь чистого выбора.

В белой слепоте на дороге он почувствовал ее так резко, будто кто-то провел по открытому нерву. Еще шаг в сторону — и девка ушла бы туда, куда даже его сила уже не дотягивалась без расплаты.

Он вышел сам.

Не потому, что это было разумно.

Потому что в ту секунду разум оказался на втором месте.

Когда Мирослава схватилась за его руку, Кощей понял две вещи. Первая — нить уже глубже, чем он надеялся. Вторая — девка упрямая настолько, что будет драться даже с тем, что ее спасает.

Это раздражало.

И почти сразу же было ясно, что раздражение — плохое, опасное, старое. То самое, из которого потом вырастают вещи, за которые приходится платить не одному человеку, а целой земле.

Глава 7. Первый взгляд на Кощея

Утро в остроге началось не со света, а с удара. Где-то глубоко, под камнем и деревом, глухо пробило, будто под землей качнули тяжелый колокол. От этого звука оконце затянуло свежим инеем.

Мирослава проснулась сразу, сердитая уже тем, что заснула вообще. За дверью шли люди. Внизу гремели ведра, коротко ржали кони, скрипели ворота. Острог ожил раньше нее.

Во дворе все смотрели в одну сторону.

К воротам.

Когда они раскрылись, внутрь въехали трое. Двое — в темных плащах, при оружии. Третий — между ними, на черном коне, который ступал так ровно, будто буря ночью была не для него, а для всех остальных.

Кощей спешил без спешки. Снял перчатку. Отдал одному из спутников, даже не обращившись. Люди во дворе расступались перед ним без суеты и без показного страха — так сторонятся не хозяина-барина, а силы, к которой давно приспособились.

Он подошел к Мирославе и остановился в двух шагах.

На этот раз никаких видений и сна между ними не было. Только утренний холод, запах мокрой шерсти, смолы и железа.

Вблизи он оказался еще менее похож на сказочное чудовище, чем ей хотелось. Высокий, сухой, с темными волосами, которые небрежно связаны сзади. Кожа бледная, но не мертвая. Глаза серо-зеленые, ясные и уставшие. Лицо человека, который слишком давно не имеет права на слабость и потому давно перестал носить лишние выражения.

Первым заговорил он:

— Ты ниже, чем я думал.

Мирослава уставилась на него, не веря своим ушам.

— А ты живее, чем мне рассказывали.

Вокруг сразу стало тихо. Она кожей почувствовала, как перестали двигаться люди у конюязи, как замер Ратибор, как Яромила прикрыла глаза на секунду.

Кощей перевел взгляд с ее лица на раненую ладонь, на плащ, на горло, где под рубахой пряталось зеркало.

— Ты привезла с собой слишком много старых вещей.

— А ты, я вижу, слишком быстро лезешь в чужое.

— В мое чужое обычно приходит само.

— Не называй меня своим.

— Пока и не называю, — сказал он. — Но дорога уже начала спорить с тобой об этом.

Это было последней каплей. Мирослава шагнула вперед и ударила его по лицу.

Ладонь обожгло. Не больно — странно. Словно кожа под его щекой помнила не только холод, но и огонь.

Во дворе кто-то шумно втянул воздух.

Кощей не отшатнулся. Медленно коснулся пальцами щеки там, куда пришелся удар, и посмотрел на нее уже иначе.

Не злее.

Внимательнее.

— Теперь лучше, — сказал он.

— Что лучше?

— Теперь я вижу, что по дороге тебя не подменили.

— Еще слово в таком тоне, и я повторю.

— Повторяй, — спокойно сказал он. — Только не удивляйся, если в ответ придется говорить уже о деле.

Ведан, вышедший на крыльцо, доложил дорогу кратко: хутор, капище, река, старуха, белая слепота. На словах о метели Кошей бросил быстрый взгляд на Мирославу.

— Ты вышел к ней сам, — сказал Ведан негромко.

— Вижу, тебе это не нравится.

— Мне не нравятся лишние риски.

— Тогда живи в другое время, — сказал Кошей.

Мирослава, слушая их, вдруг отчетливо поняла: эти двое давно спорят не о пустяках. И спорят как люди, которые несколько раз уже успели спасти друг другу жизнь и все равно продолжают друг друга злить.

— Может, мне кто-нибудь наконец объяснит, что было ночью? — спросила она.

Кошей повернулся к ней.

— Ты почти шагнула в белую слепоту.

— И что? Любите вы страшно, но туманно.

— Если бы шагнула, от тебя осталось бы тело и имя. Остальное забрали бы.

— Звучит как сказка.

— Это и есть то место, из которого ваши сказки потом делают удобные версии.

Он протянул руку.

— Покажи ладонь.

— Нет.

— Не упрямься по мелочи.

— Это не мелочь. Это моя рука.

— Пока да.

Она сдернула повязку сама, лишь бы не дать ему взять. От пореза к запястью тянулась тонкая серебристая нитка под кожей.

Кошей посмотрел на нее без малейшего удивления, но уголок рта дернулся. Скорее раздраженно, чем тревожно.

— Когда появилась?

— После камня.

— Почему мне не сказали сразу? — это уже Ведану.

— Хотел убедиться, что след не уйдет.

— Убедился?

— Да.

Мирослава выдернула руку.

— Хватит разговаривать обо мне так, будто я мешок с зерном.

— Тогда перестань скрывать то, что может добить тебя раньше вечера, — сказал Кошей.

— Переживаешь?

— Раздражаюсь.

Честность была такой бесстыдной, что у нее даже нашлось не сразу, чем ответить.

— Чем именно я тебя раздражаю?

Он посмотрел на нее в упор.

— Тем, что ты не знаешь цены вещам, которые носишь. Тем, что уже ввязалась глубже, чем понимаешь. И тем, что печать треснула быстрее, чем должна была.

— То есть я для тебя либо ключ, либо неприятность?

— Пока — и то и другое.

На это уже трудно было злиться красиво. Захотелось просто вцепиться ему в ворот и потребовать, чтобы он перестал говорить так, будто имеет право на спокойствие. Но вместо этого Мирослава только сказала:

— Отлично. Значит, и убивать тебя будет не скучно.

Ратибор кашлянул, явно пряча смех. Яромила смерила его тяжелым взглядом.

Кощей же будто только отметил что-то про себя.

— Живая ты мне нравишься больше, чем мертвая, — сказал он неожиданно.

— Мне тебя жалко не станет, можешь не надеяться.

— На жалость я никогда не рассчитываю.

Он повернулся к Яромиле:

— Подготовь северную залу.

К Ратибору:

— Удвой караул на западной стене.

Потом снова к ней:

— Ты пойдешь со мной.

— Нет.

— Да.

— Я не...

Он подошел ближе. Не вплотную — ровно настолько, чтобы она снова почувствовала от него дым, холод и живое тепло кожи, которое раздражало сильнее всего.

— Ты можешь спорить со мной до хрипоты, Мирослава, — сказал он тихо. — Но если не хочешь умереть прежде, чем как следует научишься меня ненавидеть, сейчас ты пойдешь.

И ушел, не дожидаясь согласия.

Мирослава осталась посреди двора, дрожа от ярости так сильно, что это легко можно было принять за холод. Яромила подошла, поправила на ее плече сползший плащ и сказала почти по-человечески:

— Не трать весь гнев сразу. Он тебе здесь еще понадобится.

— С чего вы все решили, что я вообще собираюсь здесь жить?

— Потому что те, кто приезжают только мстить, в первые две минуты обычно не бьют по лицу. Они сперва боятся.

Мирослава ничего не ответила.

Она смотрела, как черная фигура Кощея скрывается в дверях внутреннего дома, и впервые ясно почувствовала не просто страх или ненависть.

Неприятное, злое любопытство.

А хуже этого чувства для начала любой беды она пока ничего не знала.

Глава 8. Брачный договор

Внутренний дом оказался совсем не таким, каким Мирослава представляла жилище бес-
смертного чудовища.

Не было ни золота, ни черепов на стенах, ни залов, полных мертвых слуг. Дом был боль-
шой, темный, северный, выстроенный из камня и старого дерева. Широкие коридоры, низкие
своды, тяжелые двери с железными полосами, редкие ковры, чтобы глушить шаги. На стенах
висели не трофеи, а старые карты, оружие и странные круги из высушенных трав, кости, мед-
ные пластины со знаками, которых Мирослава не знала. Все это больше напоминало дом чело-
века, привыкшего не жить красиво, а удерживать что-то опасное на месте.

Это не смягчило ее ни на волос.

Кощей вел ее вперед молча. За ними шагали Ведан и Яромила. Мирослава старалась
держаться прямо и не вертеть головой, но взгляд все равно цеплялся за детали.

На одном из поворотов они прошли мимо длинного окна, и она увидела за ним двор,
обрывающийся прямо в пропасть. Внизу лежал лес, а дальше тянулась синяя равнина льда.
Значит, острог и внутренний дом стояли выше, чем ей показалось ночью. Намного выше.

— Где мы? — спросила она.

— На северном рубеже, — ответил Кощей.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

— Как удобно.

— Я знаю.

Он остановился у высокой двери с железной окантовкой. На косяках были вырезаны те
же знаки — игла, сердце, круг, рассеченный пополам. Кощей толкнул дверь.

За ней была длинная зала, куда падал холодный свет из узких высоких окон. Посреди
стоял стол из темного дерева, а за ним — трое людей. Двое мужчин и одна женщина в темно-
серых одеждах без украшений. Перед ними лежали свитки, дощечки, чернильницы, ножи для
печатей.

— Что это? — спросила Мирослава.

— То, что ты так любишь, — сказал Кощей. — Условия.

Она резко посмотрела на него.

— Условия?

— Ты хотела, чтобы с тобой говорили не как с вещью. Хорошо. Значит, будем говорить
как с человеком, который должен понимать, во что входит.

Один из сидящих за столом, седой мужчина с узким лицом, встал и поклонился Кощей.
Не в пояс, но глубоко.

— Государь.

— Начинайте, — сказал Кощей.

Мирославе указали на лавку по другую сторону стола. Она не села.

— Я стоя послушаю.

— Как хочешь, — ответил Кощей и сам остался стоять.

Седой человек развернул первый свиток.

— По древнему северному праву и по клятве рубежа, — заговорил он сухим, точным
голосом, — Мирослава из рода Лебедевых вводится под защиту дома государя до завершения
обряда связывания либо до официального разрыва права требования...

— Под защиту? — перебила она. — Очень щедро со стороны тех, кто меня сюда прита-
щил.

Седой даже не моргнул.

— Под защиту, — повторил он. — Это означает, что никто в доме, дворе, дружине, службе, союзных землях и приграничных стражах не имеет права причинить вам вред, использовать вашу кровь, волосы, имя или вещи в обрядах без личного разрешения государя.

Мирослава нахмурилась.

— Использовать мои волосы?

— Здесь, — спокойно сказала женщина за столом, — люди иногда бывают изобретательны. Мы предпочитаем сразу прописывать запреты.

— Приятное место.

Кощей сложил руки за спиной.

— Дальше.

— До завершения обряда связывания, — продолжил седой, — невеста не может быть разлучена с государем более чем на три дня пути без угрозы для обеих сторон.

— Для обеих? — быстро переспросила Мирослава.

— Да.

Она перевела взгляд на Кощея.

— Значит, если я сбегу достаточно далеко, тебе станет плохо?

— Возможно, — ответил он.

— Это радует.

— А тебе будет хуже.

— Это уже не радует.

Женщина за столом впервые позволила себе почти незаметную усмешку. Кажется, происходящее развлекало ее не меньше, чем раздражало.

— Также, — продолжил седой, — до обряда связывания невесте обеспечивается право на собственные покои, собственную прислугу из числа живых женщин, право носить свое имя и свой родовой знак...

— Какое великодушие, — пробормотала Мирослава.

— ...и право требовать ответа на три вопроса у государя, если эти вопросы касаются ее личной безопасности, рода или сути клятвы.

Вот тут Мирослава подняла голову.

— Три вопроса?

Кощей кивнул.

— Это старое право невесты хранителя рубежа.

— И ты обязан отвечать честно?

— Да.

— На любые три?

— Если они входят в эти пределы.

Мирослава вдруг ощутила, как внутри чуть-чуть проясняется. Наконец что-то, похожее не на цепь, а на щель в стене.

— А если я захочу больше?

— Тогда придется либо заслужить, либо украсть ответы иначе, — сказал Кощей.

— О, это уже больше похоже на нормальный разговор.

Седой человек кашлянул и продолжил:

— Взамен невеста обязуется не предпринимать попыток убийства государя до завершения первого полного обряда связки.

В зале воцарилась тишина.

Мирослава медленно моргнула.

— Это вы сейчас серьезно?

— Вполне, — ответила женщина за столом.

— Вы просто вписали это в договор?

— Опыт, — сказал второй мужчина, до сих пор молчавший. Голос у него был хриплый.
— Некоторые вещи лучше назвать сразу.

Мирослава перевела взгляд на Кощея.

— И много у тебя было невест, которые пытались тебя убить?

— Достаточно, чтобы я перестал романтизировать чужую решимость.

— И все-таки ты продолжаешь их звать.

— Тебя я не звал. Я затребовал.

Эта точность резанула по нервам.

— Какая честь.

— Не для тебя, — ответил он. — Для мира, который пока еще стоит.

Мирослава стиснула пальцы на спинке лавки.

— И если я нарушу этот ваш пункт? Что тогда? Казнь? Подвал? Цепь?

— Нет, — сказал Кощей. — Тогда ты, скорее всего, умрешь вместе со мной не там и не так, как тебе хотелось бы.

И снова прозвучало это жуткое «вместе», как нечто уже почти решенное.

Седой дочитал свиток до конца. Формулировки были сухие, древние, местами непонятные. Но суть Мирослава уловила. Ее не просто привезли как пленницу. Ее вводили в опасный, жестко оговоренный союз, где у нее были не свобода и не выбор, а хотя бы рамки, за которые пока нельзя было выйти никому, включая самого Кощея.

Это не делало положение хорошим.

Но делало его чуть менее безнадежным.

Когда чтение закончилось, седой протянул ей тонкую дощечку с вырезанным знаком.

— Если принимаете защиту, коснитесь кровью.

— Моей кровью вы сегодня уже не наелись?

Кощей даже не повернул головы к писцу.

— Достаточно слов. Ясно же, что она примет.

Мирослава резко посмотрела на него.

— Не решай за меня.

— Тогда решай быстрее. У нас мало времени.

Она ненавидела, когда ее подталкивали. Особенно он.

— Хорошо, — сказала она. — Но сначала мой первый вопрос.

По лицу седого писца пробежало нечто похожее на тревогу. Кажется, обычно невесты не начинали торг с ходу.

Кощей же только кивнул:

— Задавай.

— Моя мать. Зоряна Лебедева. Она была твоей невестой?

В зале стало так тихо, что даже фитили ламп будто начали потрескивать громче.

Ведан отвел глаза в сторону. Яромилла замерла. Седой писец осторожно положил руки на свиток, словно опасался, что тот вспыхнет.

Кощей смотрел на Мирославу долго.

— Да, — сказал он наконец.

Она почувствовала, будто кто-то открыл в груди старую рану тупым ножом.

— Значит, это правда.

— Да.

— И она умерла из-за тебя?

Теперь уже он ответил не сразу.

— Нет.

Это «нет» прозвучало без колебаний. И именно поэтому Мирослава растерялась.

— Тогда из-за кого?

— Это уже второй вопрос, — спокойно сказал он.
Она почти вскрикнула от бессильной ярости.
— Ты играешь словами!
— Нет. Я берегу твоё право. Тебе ещё пригодится третий.
Мирослава хотела швырнуть дощечку ему в лицо. Но понимала, что он опять прав, как бы мерзко это ни было признавать. Она глубоко вдохнула.
— Хорошо. Тогда пока я принимаю вашу... защиту.
И полоснула ногтем по уже затянувшемуся краю раны, выдавив каплю крови на знак. Дощечка дрогнула у нее в руках и стала теплой.
Седой кивнул, словно что-то окончательно стало на место.
— Принято.
— Прекрасно, — сказала Мирослава. — Ещё что-нибудь? Может, клятва, что я не стану травить тебе вино?
— Если соберешься, предупреди заранее, — сказал Кощей. — Я не люблю плохие яды. К ее ужасу, один из писцов тихо фыркнул в кулак.
Она развернулась к выходу.
— Куда? — спросил Кощей.
— Подальше от тебя.
— Не сегодня. Теперь — осмотр связки.
Мирослава вдруг обернулась.
— Какой ещё осмотр?
— Тот, ради которого ты вообще здесь.
— А спросить меня никто не хочет?
— Нет, — ответил он. — Но можешь утешиться тем, что мне это нравится не больше твоего.
— Врешь.
— К сожалению, нет.
Ведан открыл боковую дверь, ведущую из залы дальше, в узкий коридор.
— Идем, — сказал он тихо.
Мирослава на миг закрыла глаза. Она ненавидела их всех. Особенно Кощея. Особенно за то, что рядом с ним ее злость почему-то не становилась легче, а только точнее.

Глава 9. Дом, где не живут живые

Комната для осмотра связки находилась глубже во внутреннем доме, почти под самой скалой.

Пока они шли туда, Мирослава все явственнее ощущала, что воздух меняется. Сначала в коридорах еще пахло дымом, деревом, людьми. Потом — только камнем, железом и чем-то холодным, как вода из очень глубокого колодца. Стены стали уже. Свет — тусклее. Под ногами вместо досок легли гладкие темные плиты, отшлифованные так давно, что не осталось ни единой зазубрины.

— Вы живете над могилой? — спросила Мирослава.

— Почти, — сказал Кощей.

— Удивительная откровенность.

— Пользуйся случаем.

Они остановились перед низкой аркой. За ней виднелся круглый зал с купольным потолком. В центре, прямо в каменном полу, был вырезан большой знак — круг, пересеченный иглой, а по краям круга шли письма. Вдоль стен стояли узкие железные светильники с синеватым огнем. Окон здесь не было. И еще кое-что.

В нишах вдоль стен стояли фигуры.

На первый взгляд — люди в длинных темных одеждах, застывшие неподвижно. Но слишком уж неподвижно. Мирослава вгляделась и ощутила, как леденеет спина. Это были не статуи. Это были тела.

Высохшие, бледные, с закрытыми глазами, сложенными на груди руками. Мужчины, женщины, один совсем молодой юноша, седая старуха, рослый воин со шрамом через лоб. Все стояли в нишах, точно ждали команды проснуться.

Мирослава резко остановилась.

— Что это?

Кощей проследил ее взгляд.

— Стражи.

— Мертвые.

— Да.

— Ты держишь мертвецов у себя в доме.

— Не «у себя в доме». На рубеже.

— Не вижу разницы.

— Она есть.

Мирослава посмотрела на одну из фигур ближе. Лицо молодой женщины было почти человеческим, только слишком спокойным, словно сон у нее длился уже не первую сотню лет.

— Они поднимутся? — спросила она.

— Если будет нужно.

— Ты отвратителен.

— Знаю.

Но в его голосе не было ни гордости, ни стыда. Только усталая констатация. И это снова раздражало сильнее, чем любая попытка оправдаться.

Яромила подошла к одной из ниш и положила ладонь на грудь стоящей там старухи. Та не шевельнулась.

— Не смотри на них чересчур долго, — сказала она Мирославе. — Они начинают сниться.

— Благодарю, здесь вообще все очень заботливы.

Ведан проверял знаки по краю круга, проводя над ними рукой. На пальцах у него вспыхивал тусклый железный блеск.

— Встань в центр, — сказал Кощей.

— Ещё чего.

— Мирослава.

— Нет.

Он посмотрел на нее.

— Мне тебя туда отнести?

— Попробуй.

Кощей сделал шаг вперед.

И в этот миг одна из фигур в нише шевельнулась.

Совсем чуть-чуть. Но достаточно, чтобы Мирослава увидела. Пальцы высохшей руки дрогнули. Голова медленно повернулась в ее сторону. Мирослава отшатнулась. Кощей даже не оглянулся.

— Они чувствуют, когда ты уж слишком близко подходишь к страху.

— Ты нарочно это устроил?

— Нет. Но если бы устроил, было бы полезно.

Она ненавидела, как легко ему удавалось превращать ее слабость в наблюдение.

В конце концов Мирослава вошла в круг сама. Не потому, что подчинилась. А потому что не желала, чтобы он видел, как сильно ее пугают его мертвые стражи. Кощей встал напротив. Слишком близко.

В круге стало заметно холоднее. Или это просто от него тянуло такой собранной, сдержанной силой, что тело само понимало опасность раньше ума.

— Что дальше? — спросила Мирослава.

— Ничего приятного, — ответил он.

— Это я уже поняла по общей обстановке.

Кощей протянул руку.

— Дай ладонь.

Теперь она не стала спорить. Лишь потому, что хотела покончить с этим быстрее. Она вложила раненую руку в его.

Его ладонь была действительно горячей. Не просто теплой — горячей, будто внутри под кожей у него шло скрытое пламя. Мирослава едва не выдернула руку от неожиданности.

Кощей крепче сжал пальцы.

— Стой.

Синеватые огни по стенам дрогнули.

Знак под ногами ответил серебряной вспышкой, и та тонкая линия на руке Мирославы засветилась изнутри. Боль прошла от ладони к локтю, потом выше, в плечо, в грудь, и там будто наткнулась на что-то зеркальное, давно спящее. Мирослава вдруг вдохнула.

Кощей тоже изменился в лице. Совсем чуть-чуть. Только глаза потемнели, а челюсть стала жестче.

— Что ты видишь? — спросил Ведан.

— Слишком много, — ответил Кощей.

— Говори точнее.

— След матери. Старую незавершенную связку. Чужое вмешательство. И...

Он замолчал.

— И что? — резко спросила Мирослава.

Кощей не ответил.

Вместо этого он вдруг отпустил ее так резко, что она едва не потеряла равновесие.

— Выйди из круга.

— Нет, пока не объяснишь.

— Выйди.

— Ты мне не приказываешь!

— Сейчас приказываю.

В нём впервые за все время прорезался настоящий холодный гнев, и от этого даже мертвые в нишах словно сгустили молчание.

Мирослава, сама не понимая почему, все же шагнула назад.

Кощей отвернулся, точно на мгновение ему стало трудно смотреть на нее.

— Что ты увидел? — спросила Яромила.

— То, что мне очень не нравится.

— Это уже все поняли.

— Ее связка откликается раньше срока, — сказал Кощей. — Рано. Слишком глубоко.

И не только на меня.

По спине Мирославы прошел ледяной озноб.

— Что значит «не только на тебя»?

Он повернулся к ней.

— Это значит, что рядом с тобой уже есть еще одна нить.

— Чья?

— Пока не знаю.

— Опять ложь.

— Нет. Если бы знал, уже выжег бы.

Было сказано настолько спокойно, что в комнате стало еще холоднее.

— Прекрасно, — прошептала Мирослава. — Значит, я теперь связана с тобой и еще непонятно с кем. Что дальше? Может, вы все по очереди будете залезать мне под кожу?

— Если бы было можно, нам стало бы проще, — сухо сказал Ведан.

— Очень рада за ваши трудности.

Кощей подошел к одной из стен и провел пальцами по старым письменам.

— До завершения первой части обряда она не должна оставаться одна.

— Что? — Мирослава почти рассмеялась от неверия. — Нет.

— Да.

— Я не ребенок.

— Дело не в возрасте.

— Тогда в чем?

Он обернулся.

— В том, что тебя могут позвать.

Слово было простое. И все же в нем было что-то такое, от чего у Мирославы снова сжалось горло.

— Кто?

— Тот, кто уже успел зацепиться за твою незавершенную связку.

— И ты правда не знаешь, кто это?

— Нет.

— А если врешь?

Кощей подошел обратно, остановился перед ней и посмотрел прямо в глаза.

— Ты еще не привыкла к одной мысли, Мирослава. Если бы я хотел тебе солгать, я бы солгал красиво. А то, что говорю сейчас, слишком безобразно, чтобы быть удобной ложью.

Она ненавидела, когда его слова звучали разумно.

— Что ты собираешься делать? — спросила Яромила.

— Ускорять подготовку. И держать ее ближе.

— Меня никто не спрашивает, как я вижу слово «ближе»? — резко сказала Мирослава.

— Спрашивать не будем, — ответил Кощей. — Но услышать можешь: до первой связки ты живешь во внутреннем доме.

— Нет.

— Да.

— Я не останусь в твоём логове среди мертвецов!

— Тогда умрешь где-нибудь в коридоре. Это тоже неудобно, но решаемо.

— Ты невыносим.

— Это взаимно.

Несколько ударов сердца они просто смотрели друг на друга. Мирослава вдруг с ужасной ясностью поняла, что если бы сейчас у нее в руке был нож и возможность воткнуть его ему под ребро, она бы попыталась. Не из расчета. Просто из чистой ярости.

И он, кажется, это понял тоже.

Потому что его взгляд скользнул к ее поясу, где висел нож, и уголок губ едва заметно дрогнул.

— Не сейчас, — сказал он тихо.

— Что?

— Нож. Не сейчас.

Мирослава вдруг ощутила, как вспыхнули щеки.

— Да ты...

— Видишь? — почти лениво сказал он Яромиле. — Я же говорил. Рано впускать ее во внутренний дом без правил.

— Правил? — повторила Мирослава. — С меня хватит ваших правил.

— Тогда вот первое. — Он шагнул ближе. — Не трогай здесь ничего, чего не понимаешь.

— Второе. Не выходи ночью одна.

— Третье. Если услышишь, как тебя зовут голосом того, кого ты любишь или ненавидишь больше всего, не отвечай.

Мирослава внезапно замолчала.

Потому что третье правило прозвучало не как угроза и не как игра. А как память.

— Почему? — спросила она тише.

Кощей посмотрел ей в лицо и ответил тоже тише:

— Потому что однажды я уже открыл дверь на такой голос. Больше не советую никому.

Это была первая фраза, в которой она услышала не силу и не приказ. Потерю.

Короткую, мгновенную. Но настоящую.

Он тут же отвернулся, словно пожалел, что дал ей ее услышать.

— Ведан, проводи ее в покои. Яромила, пришли живую прислугу и проверь зеркала. Ратибору передай: если на западной стене снова будут звать по именам, пусть рубит сразу, не слушая.

— А ты? — спросила Яромила.

Кощей задержался у выхода и, не глядя на Мирославу, ответил:

— Я пойду посмотреть, кто именно уже тянется к ее сердцу.

Когда он ушел, в круглом зале стало будто просторнее и холоднее одновременно.

Мирослава стояла, прижимая к груди обожженную ладонь, и чувствовала две вещи. Первое: ей страшно.

Второе: она ненавидит его еще сильнее именно потому, что рядом с ним страх не похож на детские сказки. Он настоящий. И он, похоже, отвечает ей взаимностью.

Интерлюдия III. Живые и мертвые под одной крышей

Домна сначала думала, что новая невеста пробудет в доме недолго. Так бывало не раз.

Некоторых девушек привозили бледными от страха и злости, а через две недели увозили обратно — живых, но уже бесполезных для узла. Других север отвергал быстрее: такие

долго плакали, почти не ели, огрызались на всех подряд и исчезали из внутреннего крыла прежде, чем успевали запомнить, где поворачивает коридор к кухонному двору. Третьи казались крепче, но именно их дом любил ломать страннее всего. Мальва потом говорила, что север дурно переносит людей, которые слишком уверены, будто все понимают.

Мирослава Лебедева не походила ни на одну из прежних.

Домна поняла это в первое же утро.

Новая невеста не выглядела нежной красотой, которую так любят боярские матери. В ней не было ни тепличной мягкости, ни готовой покорности, ни той сладкой женственности, которая заранее ждет мужскую руку как разрешение собственной судьбы. Она была красива иначе — резко, темно, словно ее лицо выточили не из молока и яблоневого цвета, а из речного камня и позднего огня. Глаза — глубокие, упрямые, слишком прямые. Рот — жесткий, словно она с детства привыкла держать в зубах не слово, а сопротивление. Двигалась она быстро, почти по-мужски ловко, и оттого в длинных северных одеждах казалась не одетой, а нарочно завернутой во что-то чужое.

Домна много лет служила во внутреннем доме и научилась различать, какая беда приходит к ним в этот раз: тихая, истеричная, покорная, коварная, слабая, безрассудная. В Мирославе беда была живая. Та, что может и погубить, и спасти, потому что сама еще не решила, что для нее важнее.

Внутренний дом дышал иначе, чем человеческое жильё в Белозерье или других южных землях. В нем жили рядом живые и мертвые, привычка и страх, долг и то, что в других местах назвали бы проклятием. На кухонном дворе резали рыбу, месили тесто, бранились из-за соли и поздней муки. В нижних галереях сушили меха, мазали смолой сани, перетягивали ремни. В лекарском крыле Мальва варила свои отвары, пахнувшие горькой травой и чем-то таким, что меняло голос в комнате. А под всем этим, под печами, лавками, каменными коридорами и человеческим бытом жил еще один дом — тот, что стоял на рубеже и никогда не забывал, для чего построен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.